

А.А. Митрофанов*

**МЯТЕЖНАЯ САВОЙЯ: ОТ «ВЕЛИКОЙ ФЕРМЕНТАЦИИ»
ДО ФРАНЦУЗСКОЙ ОККУПАЦИИ
1791–1792 гг.
ПО МАТЕРИАЛАМ АВПРИ**

---

22 сентября 1792 г. французские войска под командованием генерала Монтеスキю триумфально вступили на территорию герцогства Савойя, 29 сентября французы без боя заняли Ниццу, а 27 ноября Национальный конвент декретировал присоединение Савойи к Франции в качестве нового департамента Монблан. Этому короткому периоду французской оккупации, а затем и официальному присоединению этого региона, которые стали результатом крупных социальных потрясений в Савойе и активной профранцузской агитации революционеров, предшествовали долгие годы социальной нестабильности. Данная статья подготовлена на основе донесений русских дипломатов из Турина в Санкт-Петербург за 1791–1793 гг. Дипломаты П.И. Карпов и князь А.М. Белосельский подробно сообщают о социальных бедствиях и военных поражениях Сардинского королевства, критикуют двор Виктора-Амедея III, показывают, что города и села Савойи, как и Пьемонта, подвержены мятежам и протестам, а просвещенная элита и третье сословие Савойи в 1790–1792 гг. сочувствовали революции во Франции.

Ключевые слова: Французская революция, оккупация, крестьянские восстания, Савойя, агитация, Монтеスキю, Королевство Сардиния, король Виктор-Амедей III, Пьемонт, П.И. Карпов, А.М. Белосельский

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-78-92

Накануне революционных событий 1790 г. Сардинское королевство представляло собою в масштабах Апеннинского полуострова достаточно сильное и влиятельное государство, хотя и не без изъянов. Оно обладало солидной, по сравнению с соседними итальянскими государствами, армией и развитым бюрократическим аппаратом, но его экономика оставалась недостаточно развитой и тягостенной многими внутренними противоречиями; отдельные области были ориентированы в торговом отношении на

---

* *Андрей Александрович Митрофанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГАУГН.*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00226).

другие страны. Королевство переживало тогда социально-экономический кризис, который возник еще задолго до 1789 г. и только усугубился с началом революционных войн. Прежде всего кризисные явления охватили пограничные с Францией и швейцарскими кантонами территории – Савойю и Ниццу¹. Событиям этого относительно короткого периода 1791–1792 гг., когда пораженные кризисом области Сардинского королевства вошли в состав Франции, и посвящена данная статья.

Использование новых, ранее не введенных в научный оборот и не опубликованных документов из российских архивов, позволяет по-новому взглянуть на этот сюжет. К числу таких источников относится корреспонденция русской дипломатической миссии в Турине. В этом посольстве велась большая работа по анализу событий и обстановки как в Сардинском королевстве, так и в соседней Франции. Нам неизвестны имена собственно авторов посланий в Коллегию иностранных дел, но общее руководство корреспонденцией осуществлял советник и временный поверенный в делах П.И. Карпов. Полномочный министр при сардинском дворе в эти годы князь А.М. Белосельский также участвовал в написании и редактировании этих текстов. Оригиналы на русском языке всех депеш из посольства в Турине за эти годы сохранились в Архиве внешней политики Российской империи вместе с приложениями к ним – на французском и итальянском языках. До сих пор эти документы были известны только во французском переводе, изданном более ста лет назад в Париже Е.Э. Трубецкой, внучкой князя А.М. Белосельского².

Если биография князя А.М. Белосельского, занимавшего должность полномочного министра в Турине в 1792–1794 гг., хорошо известна, то этого же нельзя сказать о многолетнем сотруднике посольства и временном поверенном в делах П.И. Карпове. Как следует из формулярного списка АВПРИ, Петр Иванович Карпов родился в 1755 г. в семье малопоместных дворян Тульской губернии. В Коллегии иностранных дел с 1767 г., служил в посольствах в Стокгольме и Венеции, с 1783 г. стал советником посольства в Турине, чин коллежского советника получил в сентябре 1793 г. За

¹ Подробнее см.: *Канделоро Дж.* История современной Италии. Истоки Рисорджименто 1770-1815. М., 1958.

² *Belosselsky-Belozersky A.M.* Un Ambassadeur russe à Turin, 1792-1793. Dépêches de S.E. le prince Alexandre Béliosselsky de Bélozersk. Publ. par la princesse Lise Troubetzkoi. P., 1901; *Тимирязев В.А.* Русские об иностранцах // Исторический вестник. 1902. № 12.

годы, проведенные в Сардинском королевстве, П.И. Карпов пять раз исполнял обязанности поверенного в делах и вел всю основную работу, даже когда во главе миссии стоял полномочный министр³.

Донесения российских дипломатов из Турина П.И. Карпова и А.М. Белосельского – ценный и в некотором роде уникальный источник по истории Италии и Франции данного периода. Подчас в них содержится такая подробная информация о важнейших политических событиях в Пьемонте и соседних государствах, которой мы больше не обнаруживаем нигде. Сопоставление сведений русских дипломатов с данными других источников позволяет расширить и детализировать наши знания о распространении революционных идей в Сардинском королевстве в первый период Революции во Франции – 1789–1792 гг., о развитии в этом регионе республиканских клубов, о таком явлении, как итальянский «якобинизм», а также об истории присоединения герцогства Савойя к Франции.

Также мы коснемся вопросов о том, как воспринимали в Савойе идеи Революции, наблюдались ли прямые связи между социальными протестами в Савойе и французским влиянием, какими терминами пользовались русские дипломаты, описывая протесты и восстания в регионе, возможно ли квалифицировать социальные процессы в Савойе как копирование французских революционных практик?

Прежде всего, обратим внимание на особенности политической лексики, которой пользовались русские дипломаты в Турине. Хотя в их донесениях порою встречались и галлицизмы, чаще местные социальные и политические реалии описывались при помощи русского языка. Так, жители всех регионов Сардинского королевства обозначались в соответствии с региональной топонимикой: «сардинцы», «савоярцы», «пьемонтские мужики», «туринское мещанство», и нигде не звучал термин нация, столь популярный тогда в Европе. Оценивая особенности коллективной психологии местного населения, русские дипломаты тоже оперировали региональной терминологией. Например, А.М. Белосельский замечал, что «пьемонцы из всех итальянских народов злее, и можно заметить, что недостает им только случая и близкого примера

---

³ Архив внешней политики Российской империи. (далее – АВПРИ). ДЛС и ХД. Формулярные списки. Оп. 464 Д. 1634. Л. 2.

для отличия себя в самом лютом зверстве, которова каждой почти день видим частные доказательства в убийствах кинжалом и разных изменах»⁴. Иначе говоря, П.И. Карпов и А.М. Белосельский неизменно подчеркивали существование четких различий между жителями разных регионов одного государства.

События, сотрясавшие Северную Италию, чаще всего рассматривались русскими дипломатами в контексте с происходившим в революционной Франции. Тем интереснее остановиться на терминологии описания ими социального протеста жителей Сардинского королевства. Спектр русских понятий, с помощью которых характеризовались подобные явления в итальянском обществе, очень широк: «неудовольствие», «немалое беспокойство», «ферментация», «дух возмущения», «искра мятежа». В основе сообщений русских дипломатов о мятеже в Савойе и последующем присоединении этого региона к Франции лежит мнение о том, что население региона – «савояры» – «выказывают склонность к теперешней во Франции конституции» и горячо принимают революционные идеи, тогда как сардинский король и его министры не могут предложить им выгодных альтернатив, чтобы сохранить целостность своего государства; режим же управления данной территорией недостаточно жесткий, чтобы предупредить опасные тенденции. Особенно интересно, что сведения в русское посольство поставляли информаторы и официальные источники сардинского двора, что позволяло в донесениях сравнивать положения в разных регионах этого государства, а также в Ломбардии.

С 1790 г. российские дипломаты сообщали о волнениях в Савойе, которые имели, прежде всего, антиналоговый и социальный характер. Введенный сардинскими властями с 1789 г. новый земельный налог стал основным раздражителем для крестьян Савойи, которые отказывались его платить⁵. Движение в том же году охватило и сельские районы Пьемонта. Восстания подавлялись сардинскими войсками, а крестьяне после стычек с ними скрывались в горах. В первой половине года уже 17 сельских округов Савойи отказались вносить сеньориальные платежи. В мае 1790 г. было отмечено серьезное восстание в Монмелиане у города Шамбери, толчком к которому послужил рост цен на продовольствие⁶.

⁴ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, от 18/29 сентября 1792 г. – АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 100. Л. 168 об.

⁵ Там же. Д. 88. Л. 47.

⁶ История Италии. В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 10.

Особенностью этого периода было то, что туринские власти, подавляя восстания с помощью военной силы, затем прощали участников беспорядков, проводя лишь выборочные репрессивные меры. По мере развития революции в соседней Франции конфликт между населением и элитой Сардинского королевства приобретал и политические оттенки. В июне 1790 г. поверенный в делах сообщал, что народ «столь напоен французским духом, что почти вседневно оказывает склонность в последовании примеру своих соседей»⁷. К депешам прикладывались и образцы пропагандистских воззваний.

В советской литературе со ссылкой на донесения русских дипломатов приводились примеры активного антисеньориального движения населения Пьемонта⁸, вместе с тем до сих пор мы не можем с определенностью говорить о степени проникновения французской пропаганды в общественное сознание Савойи. Итальянский историк Р. Де Феличе, к примеру, отмечал слабую восприимчивость простого люда королевства к революционным идеям из Франции, которые были «совершенно непонятными для них <...>, а часто даже противоречили их самым укорененным традициям и вере»⁹. Современная итальянская историография связывает рост влияния Франции на Север Италии с социально-экономическими процессами. Так, К. Капра отмечает складывание к концу века в Пьемонте многочисленного класса финансистов и спекулянтов-посредников, что стало одной из причин разорения земледельцев, превращавшихся в наемных работников, чьи заработки отставали от постоянного роста цен на продовольствие. Нищающие слои населения в условиях кризиса все чаще обвиняли во всех своих бедах монархию. Однако симпатии к французским идеям, подчеркивает Капра, испытывали отнюдь не эти «низы», а прежде всего средние слои общества¹⁰. Донесения русских дипломатов из Пьемонта подтверждают эти выводы историков, сделанные на основе других источников.

В 1791 г. внимание авторов депеш было сосредоточено на восстании в Шамбери. В октябре 1791 г. волнения почти достигли Турина, когда в окрестностях столицы королевства около 700 во-

⁷ АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 90. Л. 34.

⁸ История Италии. Т. 2. С. 11, 12 и далее. См. также: *Бондарчук В.С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. М., 1980.

⁹ *De Felice R.* Italia giacobina. Napoli, 1965. P. 14.

¹⁰ *Capra C.* Gli italiani prima dell'Italia. Roma, 2014. P. 301.

оруженных крестьян выступали с угрозами в адрес власти, не желая платить сеньориальные платежи. Движение было подавлено армией, а возглавлявшие его два священника арестованы.

Донесения 1791 г. свидетельствуют о том, что правительство королевства пыталось решить проблему нехватки продовольствия в регионе, но не слишком успешно: «Чрез последния из Шамбери писма здешнее правительство получило известие, что савоярцы опять несколько покушаются к возмущению, так что тамошний губернатор господин Перрон сказывают требует еще войск в прибавление находящихся уже там пятью батальонам пехоты и одного кавалерийского полка, между тем, здешнее правление весьма заботится о предупреждении всякого повода к неудовольствию савоярцов и безпрестанно к ним из здешних коронных магазинов отправляется знатное число хлебных припасов»¹¹.

С лета 1791 г. и до осени 1792 г. в регионе не наблюдалось никаких крупных происшествий, волнения крестьян пошли на спад. В городах обстановка также стала более спокойной, чему здесь отчасти способствовала цензура изданий, поступавших из Франции и Швейцарии. Однако полностью воспрепятствовать проникновению агитационной политической литературы не смогли даже аресты тиражей на границе¹².

В апреле 1792 г. князь Белосельский в обстоятельном докладе Коллегии иностранных дел изложил свое видение ситуации в Сардинском государстве, отдельно коснувшись идеологического влияния Франции:

«Состояние здешняво государства оказывается крайне бедственным. Савойский народ, говоря тем же языком что и французы, имея с ними обыкновенныя торги и большое сходство с их нравами, тайно занимается убийственными внушениями, каковыя вперяют в него под самым лестным видом французские бунтовщики. На что мешанство в Шамбери, адвокаты, прокуроры, эта несметная толпа писмоводцев, которые со всем тем что нималово не имеют понятия о справедливой политике, толкуют однако же о праве естественном, как будто бы можно жить в обществе под сим одним правом, более всего

¹¹ П.И. Карпов – И.А. Остерману, 18/29 января 1791 г. – АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 93. Л. 1.

¹² См. : *Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes. Dauphiné et Savoie. Toulouse, 1989. P. 150.* Наибольшей популярностью среди населения Савойи пользовался памфлет «Первый призыв Савойи к свободе», где подчеркивались различия между пьемонтцами и сардинцами. – *Le premier Cri de la Savoie vers la liberté. Chambéry, 1791.*

напорошили голову свою такою мечтательностью; савоярские крестьяне, живущие по французской границе, кажется, в эту же мысль ударились; множество лазутчиков повседневно туда к ним прокрадываются при всем бдении здешнего правительства и продают им соль вдвое дешевле против королевских соляных таможен, а сами закупают у них хлеб вдвое дороже против здешняво: и все эти плутни приписывают тому благосостоянию Франции, каковым она пользуется с тех пор, как разрушила всякую связь общества. По такому состоянию дел здесь опасаются, чтобы при вооруженном набеге французских нагнецов вдруг не взбунтовалось все савойское герцогство. Что же касается до армии, до разных провинций Пьемонта, до графства Нисейского, где жители ненавидят исстари французов, то на их верность здесь крепко полагаются»¹³.

Вопрос о французской революционной пропаганде в Сардинском королевстве неоднократно поднимался в депешах 1791–1792 гг. Чаще всего дипломаты сообщали, что носителями ее являются некие «лазутчики» и отдельные савояры, эмигрировавшие во Францию. Сравнивая в мае 1792 г. методы французского идеологического воздействия на жителей Савойи, Фландрии и Каталонии, А.М. Белосельский и П.И. Карпов обращали внимание на то, что французы в своей армии завели 12 типографских станков, изготовили 20 000 кокард, 300 знамен и деревьев «вольности», «чтобы ставить их миля от мили по дереву в тех землях, куда они проберутся»¹⁴.

Ожидая неминуемого французского вторжения в сардинские владения, Белосельский сообщал в Санкт-Петербург в начале сентября 1792 г.:

«Вооруженная и необузданная сволочь опять умножается на границах Савойи и Ниссы и причиняет новые страхи сардинскому правительству. К несчастью, день ото дня становится вероятнее, что народ в Савойе находится в скрытном волнении, то есть в состоянии такова раздражения, которое от малейшей искры может родить пожар. Французские шайки то знают совершенно и каждой день требуют позволения ворваться в Савой. Генерал Монтеस्कью по сех пор успел их удерживать, но слух носится, что совладать не сможет и что уже грозят поступить с ним, как с аристократом: он и сам ожидает сей общей участи»¹⁵.

¹³ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 17/28 апреля 1792 г. – АВПРИ. Оп. 85/2. Д. № 99. Л. 21–21 об.

¹⁴ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 15/26 мая 1792 г. – Там же. Л. 54.

¹⁵ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 8/19 сентября 1792 г. – Там же. Д. 100. Л. 154.

По сообщению Белосельского от 10/21 сентября 1792 г., губернатор Савойи Перрон самостоятельно, исходя из «молвы о близком нашествии французов», не советуясь с двором, принял решение о немедленной эвакуации из Шамбери архива, казны и движимого государственного имущества, реквизировав для этого всех городских лошадей и переправив все ценное в укрепленный Ле-Бож¹⁶.

В ночь на 22 сентября французская армия стала выдвигаться в направлении города Шапарейяна, непосредственно угрожая Шамбери. Отдельные ее части были направлены к Сен-Жени и Йену¹⁷. В рядах пьемонтских военных это известие вызвало настоящую панику. Командующий граф Лазари срочно эвакуировал свою главную квартиру из замка Марш, с большей частью армии пересек Изер, после чего приказал разрушить за собой мост. Гарнизон Шамбери разбежался. Уже в полдень того же 22 сентября Шамбери покинули все, кто сколько-нибудь опасался за свою безопасность после прихода французов, прежде всего эмигранты, священники и магистраты. Заранее спланированная пьемонтским командованием стратегия обороны быстро утрачивала свою актуальность по мере того, как поспешное отступление частей армии превращалось в беспорядочное бегство, последствия которого усугублялись особенностями горной местности и климата. В тот же день, под непрерывным мокрым снегом и в непролазной дорожной грязи, бежал из Савойи со своей семьей и Жозеф де Местр, который так писал о происходившем: «Измена или глупость генералов, невероятное и беспорядочное бегство и даже загадочное, если верить некоторым лицам. Для правительства это позор на века и, возможно, уничтожение его военной силы...»¹⁸

Как заметил Э. Леруа-Ладюри, «в Савойе конца XVIII века наступило сначала вторжение, за которым последовала оккупация, бесспорно, военная», которые произошли быстро и успешно благодаря талантам генерала Анн Пьера де Монтестья¹⁹.

Беспомощность сардинских войск и умелые действия французских агитаторов и военных произвели сильное впечатление и на князя Белосельского, сообщавшего:

¹⁶ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 15/26 октября 1792 г. – Там же. Л. 163.

¹⁷ *Nicolas J. Op. cit.* P. 156.

¹⁸ *Ibid.* P. 157.

¹⁹ *Леруа-Ладюри Э. История регионов Франции. М., 2005. С. 263.*

«И удивление, ужас и уныние в Турине неописанны. Куда девалась эта армия? Зачем с пяти дней не приходит оттуда никакова известия? Так здесь друг друга спрашивают и удивление, и ужас, и уныние... Один мужик переплыл реку Изер и донес в Сен Жан де Мориенн, что гвардейский королевский батальон и первый полк хотели было сопротивляться французам близ Монмелиана, но по коротком сражении, на котором они потеряли много людей, отступили в Шамбери, где там стоявшие войски, соединившись с ними, не рассудили бесполезно защищаться и вместе удалились в Ле Бож. Французы тогда, как стремительный поток наводнили всю Савойю, а в Шамбери, расставили множество дерев вольности с красною наверху шапкою и заставили кричать граждан и мужиков, совершенно мысливших заодно с ними: *Vive la liberté!* Потом они плясали вокруг этих шестов и пели: *ça ira! ça ira!* Сказывают, что по сих пор они еще не делали никакова разорения и жестокости в Савойе».

Белосельский подробно разбирал ошибки командующего сардинскими войсками генерала Лазари, из-за легкомысленности которого 12-тысячная сардинская армия в Савойе не смогла противостоять врагу: «Признаюсь Вашему сиятельству, что русаку стыдно даже и писать такие известия»²⁰.

Информация об оккупированных территориях поступала в Турин и в русскую миссию достаточно регулярно, хотя мы не можем судить о ее источниках. Русские дипломаты после потери сардинским королем власти в Савойе сообщали о готовившемся вторжении французов в Пьемонт и Ломбардию и ведущейся теми революционной пропаганде среди подданных королевства: «Уже льстивый поступок их, по завоеванию Савойя с искренним удовольствием рассказывается здесь между простым народом и купцами. Уверяют, что французы, под предводительством Монтеську, нашедши в монастырях около 50 тысяч ливров, разделили их по бедным людям, и что никому никакова притеснения не делают»²¹. Это же касалось и территории Ниццы, с конца сентября перешедшей под контроль французских войск. А.М. Белосельский предлагал свою интерпретацию такого отношения: «Все проникательные люди считают эти поступки коварными, и даже очень опасными, потому что побежденные мало-помалу эдак свыкаются с

²⁰ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 24 сентября/ 1 октября 1792 г. – АВПРИ. Ф. 85/2. Д. 100. Л. 164,165.

²¹ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 19/30 сентября 1792 г. – Там же. Л. 170 об.

победителями, что уже и случилось в Савойе, там между других доказательств тысячи две молодых людей вызвались добровольно служить в ряду с национальными гвардейцами»²².

30 сентября 1792 г. комиссары Конвента при Альпийской армии Дюбуа-Крансе, Лакомб-Сент-Мишель и Гаспарен прибыли в Шамбери, где были приняты с большим уважением и почетом. В тот момент сомнений в республиканских настроениях «аллоброгов» не было, и цель членов Конвента состояла в том, чтобы побудить генерала Монтескью двинуть свои войска на Женеву. Вместе с тем в коммуны Савойи по инициативе членов Конвента были направлены местные активисты («якобинцы») для разъяснения происходящих событий и для выборов делегатов в некое подобие савойского «Конвента». Для понимания настроений местного населения политические агенты из Шамбери проводили и открытые голосования по определенным вопросам²³.

Источники информации русского посольства в Турине позволяли судить о состоянии умов в оккупированной Савойе и о мерах новых властей. А.М. Белосельский в начале октября сообщал следующее:

«Савойские поселяне начинают уже несколько стонать от своих ужасных гостей и сожалеть о пьемонтском правительстве. Причины тому: 1-ое – обмен французских ассигнатов на наличные их деньги. 2-ое – страх, чтобы вдруг не вздорожал хлеб, 3-е – определение, чтобы к первому генварю готовились 7000 охотных рекрутов. Но в Шамбери якобинский клуб напрягает все свои обстоятельные силы к ожесточению их против здешняво властительства. И вот между прочим, плакар, что по всем улицам там прибит: война деспотам, мир и вольность народу. Скоро сказывают, выйдет там же новое определение, которым повелено будет выезжим савоярским владельцам возвратиться жить в отечестве, в противном случае, имение преступника будет конфисковано в народную казну. Что чрезвычайно тревожит савоярских помещиков, а особливо тех, которые находятся в действительной службе Его Сардинского Величества»²⁴.

21 октября в Шамбери открылось заседание Национального Собрания аллоброгов, в которое входило по одному представителю от

²² Там же. Л. 185.

²³ *Nicolas J.* Op. cit. P. 164.

²⁴ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 6/17 октября 1792 г. – АВПРИ. Оп. 85/2. Д. 100. Л. 194 об.

каждой коммуны. При выборах старались уменьшить количество представителей от городов, так как боялись в их лице встретить сторонников церковных кругов и Пьемонта. Тогда как в пригородах, напротив, якобинская агитация была очень активна. Собрание заседало до 29 октября, и в своей работе оно старалось придерживаться тех же методов и принципов, что и Конвент в Париже. Заседания проходили в присутствии многочисленной публики. Согласно полученным мандатам от избирателей, депутаты высказались подавляющим большинством за отделение от «Сардинского деспота» и присоединение к Франции. Только три коммуны высказались за самостоятельную республику. За восемь дней заседаний Собрание ликвидировало старый порядок на территории Савойи, в том числе титулы, привилегии знати, сеньориальные права, был наложен секвестр на церковные имущества, реорганизована местная власть, а также было объявлено об изъятии имущества эмигрантов, которые не вернутся в течение двух месяцев. Перед роспуском Собрание назначило делегатов в Париж и создало комиссию из 21 человека для временного административного управления²⁵.

21 ноября 1792 г. Национальный конвент принял четырех делегатов из Савойи – Доппе, Дессэ, Фавра и Вийяра, прибывших в Париж с посланием от жителей региона. После выпренней речи президента Конвента аббата Грегуара депутаты поднялись с мест и громко потребовали немедленного голосования о присоединении «наших братьев навеки». Но влиятельный член Конвента Б. Барер предложил не решать такой сложный вопрос наспех и направить проект декрета в комиссию для изучения и вынесения решения. Единодушие среди политиков в Париже по этому вопросу не было: кто-то поддерживал идею независимой республики Савойя, кто-то выступал за присоединение ее. В тот же вечер, при поддержке другого влиятельного члена Конвента Дюбуа-Крансе, Доппе и Вийяр выступили в Якобинском клубе. Только 27 ноября аббат Грегуар, остававшийся самым убежденным сторонником присоединения Савойи к Франции, вновь предложил именно это решение и был поддержан Конвентом почти единогласно, несмотря на возражения Бюзо. На ночном заседании Савойя была объявлена «неотъемлемой частью Французской республики» в виде «84-го временного департамента под названием Монблан»²⁶.

²⁵ *Nicolas J.* Op. cit. P. 164.

²⁶ *Ibid.* P. 168.

Неожиданно быстрое поражение от французской армии, потеря важного региона, утрата торговых коммуникаций, проникновение революционных политических идей не только в умы элит, но и в широкие слои общества Сардинского государства не могли не вызывать жесткой реакции со стороны монархии. Туринский двор вынужден был пойти на экстраординарные меры, начав с создания милиции из числа крестьян и горожан, о чем немедленно сообщил в Петербург князь Белосельский:

«Я примечаю, что публика и даже сам король очень полагаются на вооруженных пьемонских мужиков, и более, нежели на самые войски. В самом деле, как здешние ратники не могли снести виду огня в самом начале войны, то опасно, чтобы сердца их совсем не заплесневели от работы»²⁷.

Одновременно предпринимались меры по усмирению бунтующих студентов Туринского университета, для чего он был закрыт на целый учебный год. Также было принято решение о новых государственных займах, для поддержания финансовой системы, находившейся в плачевном состоянии. По мнению русского посла, создание королем сардинской милиции («земского войска») было мерой недостаточной, вредной, поскольку крестьяне впервые на законных основаниях получали в руки оружие, и походило на создание национальной гвардии во Франции. Раздача же всем желающим подданным государства синих кокард в знак верности королю и вовсе возмущала Белосельского, считавшего, что это «пахнет теперешнюю парижскую гнилью» и может привести к «междоусобной злобе». Более того, сообщал посол, вооруженные граждане уже начали чинить беспорядки: «милициане вооружились и стреляют по заказникам с дичью герцога Кариньянского»²⁸.

Между тем французы не прекращали попыток повлиять на политические настроения жителей Пьемонта. В октябрьских донесениях русских дипломатов снова отмечалось, что после закрепления в Савоие французов их «принципы распространяются, к несчастью, еще больше, чем полагают, несмотря на всю мерзость примеров. Разные сословия государства и особенно в городах более или менее тайно к этому питают пристрастие, в первую оче-

²⁷ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 6/17 октября 1792 г. – АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 100. Л. 195.

²⁸ А.М. Белосельский – И.А. Остерману, 9/20 октября 1792 г. – АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 100. Л. 210.

редь потому, что роскошь разрушительно укоряет все сословия, ранее столь различные и спокойные по отношению друг к другу»²⁹.

Если военной хроники и сообщений о социальных потрясениях в переписке русских дипломатов предостаточно, то гораздо меньше поступало из Турина в Петербург сведений об интригах и секретных переговорах при сардинском дворе. Чаще всего такие известия тщательно шифровались и впоследствии в дешифрованном виде докладывались императрице. Но отдельные сообщения на такие темы все же не подвергались шифрованию. К их числу относится и донесение от 12 марта 1793 г., когда при дворе был раскрыт «заговор кавалергардов» во главе с неким савойским офицером Соломоном. Его корреспонденция была перехвачена, после чего сам он, находясь в карауле, был арестован прямо во дворце. В этой переписке с неким неназванным канцеляристом из Ниццы, состоявшим при генерале Бироне, был найден план всех новых укреплений Сардинского королевства. Четверо офицеров савоярского пехотного полка, узнав об аресте своего товарища, сразу скрылись в Савойю³⁰. Дополнительная информация по этому вопросу в русских депешах, к сожалению, отсутствует, но данный пример показывает, что даже в условиях военных действий с Францией коммуникации с Савойей сохранялись.

Таким образом, дипломатические источники русской миссии в Турине проливают дополнительный свет на период между «великим возмущением савояров» и юридическим присоединением этой территории к Франции. Российский посол подчеркивал, что идеологическое влияние революционной Франции на Савойю было бы неэффективным, если бы не непопулярные налоговые решения сардинской монархии и не те экономические меры французов, которые привлекли в 1789–1792 гг. симпатии местного населения к Франции. Из дипломатической переписки можно сделать вывод о том, что социальные протесты, имевшие место в Пьемонте и Савойе, были, по мнению русских наблюдателей, практически идентичными. Быстрая и легкая оккупация французами Савойи и Ниццы осенью 1792 г. привела дипломатов к выводу о том, что в условиях истощения сил Сардиния неспособна вернуть себе эти регионы, а следовательно, на повестке дня стоит, прежде всего, вопрос о защите территории собственно Пьемонта и о. Сардинии от французской угрозы.

²⁹ Там же. Л. 202 об.

³⁰ П.И. Карпов – И.А. Остерману, 12/23 марта 1793 г. – Там же. Д. № 105. Л. 10.

Список литературы

- Бондарчук В.С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. М.: Издательство Московского государственного университета, 1980. [Bondarchuk V.S. Italyanskoe krestyanstvo v XVIII v. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1980].
- Канделоро Дж.* История современной Италии. Истоки Рисорджименто 1770–1815. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. [Kandeloro Dz. Istoriya sovremennoj Italii. Istoki Risordzhimento 1770–1815. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1958].
- Леруа-Ладюри Э.* История регионов Франции. М.: Росспэн, 2005. [Lerua-Ladyuri E.H. Istoriya regionov Francii. M.: Rosspehn, 2005].
- Тимирязев В.А.* Русские об иностранцах // Исторический вестник. 1902. № 12. С. 223–230 [Timiryazev V.A. Russkie ob inostrancah // Istoricheskij vestnik. 1902. № 12. S. 223–230].
- Belosselsky-Belozersky A.M.* Un Ambassadeur russe à Turin, 1792–1793. Dépêches de S.E. le prince Alexandre Béliosselsky de Bélozersk. Publiées par la princesse Lise Troubetzkoi. Paris: E. Leroux, 1901.
- Capra C.* Gli italiani prima dell'Italia. Roma: Carocci editore, Frece, 2014.
- De Felice R.* Italia giacobina. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1965.
- Nicolas J.* La Révolution française dans les Alpes. Dauphiné et Savoie. Toulouse: Privat, 1989.
- Le premier Cri de la Savoie vers la liberté.* Chambéry: Imp. De L. Gorrin, 1791.

Andrei A. Mitrofanov

**REBELLIOUS SAVOY: FROM THE “GREAT
FERMENTATION”**

TO THE FRENCH OCCUPATION. 1791–1792.

On materials of the Archive of Russian Empire Foreign Policy

On September 22, 1792, French troops triumphantly entered the Duchy of Savoy under the command of General Montesquiou and subsequently, on September 29, occupied Nice without a real fight. On November 27, the National Convention of France decreed the accession of Savoy, making it

a department of Mont-Blanc. Being the consequence of important social disruptions in Savoy and of active revolutionary agitation by the French, this short period of the French “occupation” and later of making the region an official part of France was preceded by some years of social instability. This article is based on such valuable sources as reports that Russian diplomats delivered from Turin to St. Petersburg in 1791–1793. The diplomats Karpov and Prince Beloselsky described there the social crisis and military defeats of the Kingdom of Sardinia, criticized the court of Victor Amadeus III and pointed out that there was unrest throughout towns and villages of both Savoy and Piedmont in 1790–1792, while the enlightened elite and the third estate of Savoy sympathized with the revolution in France.

Keywords: the French Revolution, occupation, peasant uprisings, Savoy, agitation, French Revolution, Montesquiou, Kingdom of Sardinia, King Victor Amadeus III, Piedmont, Karpov, Beloselsky, Russian diplomacy